

Осип Мандельштам как «поэт Оттепели»

Лилия Б. Брусиловская

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, ikond@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена образу Осипа Мандельштама в поэзии Оттепели на примере наиболее ярких поэтов этого периода (Б. Ахмадулина, Евг. Евтушенко, А. Вознесенский, И. Бродский). В творчестве поэтов-шестидесятников Мандельштам предстает как «поэт Оттепели», который является нравственной антитезой Сталинской эпохе, отрицанием ее идейно-эстетических принципов и символом свободы. У каждого автора был «свой» Мандельштам: у Ахмадулиной он одновременно хрупкий и сильный человек, который чувствует как свою избранность, так и невозможность противостоять своей трагической судьбе, Евтушенко преклоняется перед его творчеством как образцом самого высокого искусства и «вписанностью» его в мировой культурный контекст. Для Вознесенского Мандельштам – символ творческого бессмертия, одновременно жертва трагического времени и победитель его. Бродский называет Мандельштама «величайшим русским поэтом нашего времени» и утверждает, что его дар, как любой подлинный дар, не привязан к какой-либо определенной исторической эпохе. Но для всех этих авторов имя Мандельштама – не только вершина литературного творчества, к которой нужно стремиться, но и декларативное стремление поставить свое имя в один поэтический ряд именно с этим поэтом.

Ключевые слова: Оттепель, поэтическое поколение 60-х, образ Мандельштама, Сталинская эпоха, отрицание, нравственная антитеза.

Для цитирования: Брусиловская Л.Б. Осип Мандельштам как «поэт Оттепели» // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2019. № 6. С. 229–240. DOI: 10.28995/2686-7249-2019-6-229-240

Osip Mandelstam as “the poet of the Thaw”

Liliya B. Brusilovskaya

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, ikond@mail.ru*

Abstract. The article is devoted to the image of Osip Mandelstam in the poetry of the Thaw on the example of the most prominent poets of that period (B. Akhmadulina, Evg. Yevtushenko, A. Voznesensky, I. Brodsky). In the works of poets of the sixties Mandelstam appears as a “poet of the Thaw”, which is a moral antithesis of the Stalin era, the denial of its ideological and aesthetic principles and a symbol of freedom. Each author had “his” Mandelstam: for Akhmadulina he is in equal measure the fragile and strong man who feels both as his selectness and the inability to confront his tragic fate, Yevtushenko admires his work as a model of the highest art and its “inscription” in the world cultural context. For Voznesensky, Mandelstam is a symbol of creative immortality, at the same time a victim of the tragic time and its winner. Brodsky calls Mandelstam “the greatest Russian poet of our time” and argues that his gift, like any genuine gift, is not tied to any particular historical era.

But for all these authors, the name of Mandelstam is not only the pinnacle of literary creativity that one needs to strive for, but also the declarative desire to put his name in one poetic a series of precisely with this poet.

Keywords: Thaw, the poetic generation of the 60s, the image of Mandelstam, Stalin’s era, denial, moral antithesis

For citation: Brusilovskaya, L.B. (2019), “Osip Mandelstam as ‘the poet of the Thaw’”. *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 6, pp. 229-240. DOI: 10.28995/2686-7249-2019-6-229-240

В формировании вкусов поколения шестидесятников культура Серебряного века играла особую роль. Именно во времена Оттепели у интеллигенции и студенческой молодежи появилось новое увлечение – поэзия. Стихи не только создавались новыми авторами, но и постепенно открывались старые, почти забытые имена поэтов, которые плохо «монтировались» с советской литературой и которые несли на себе отпечаток старой досоветской культуры. Н. Гумилев, И. Северянин, М. Кузмин – стихи этих поэтов были переписаны в тетрадки каждой девушки, претендующей на поэтический вкус. Впоследствии это явление получило название «поэтический бум» 1960-х гг.

Но все же особенное отношение как у читателей, так и у поэтов-шестидесятников было к так называемой «великой четверке»

поэтов – А. Ахматовой, М. Цветаевой, Б. Пастернаку, О. Мандельштаму. Не только творчество, но и биографии этих авторов оказали большое влияние на становление лучших «оттепельных» поэтов – Ахмадулиной, Евтушенко, Вознесенского. Хотелось бы остановиться вначале на двух первых фигурах и рассмотреть тот образ поэта Мандельштама, который был создан в их поэтических текстах.

В стихотворении Б. Ахмадулиной «В том времени, где и злодей...» (1967) в первой же строфе автор рисует образ Осипа Мандельштама, в котором сочетаются одновременно хрупкость и сила, слово и музыка, русское и иудейское, религиозное и нравственное начала:

В том времени, где и злодей –
лишь заурядный житель улиц,
как грозно хрупок иудей,
в ком Русь и музыка очнулись.

[Ахмадулина 2011, с. 233]

Он не просто оказывается сразу же вписанным в контекст большой литературы, но и, по мнению Ахмадулиной, принимает своего рода творческую эстафету от самого Блока.

Но век желает пировать!
Измученный, он ждет предлога –
И Петербургу Петроград
Оставит лишь предсмертье Блока.

[Ахмадулина 2011, с. 233]

Эта судьба не просто ему предопределена, ахмадулинский Мандельштам сам прекрасно понимает и чувствует как свою избранность, так и невозможность противостоять такой судьбе, явившейся ему в знаменитом мандельштамовском образе «века-волкодава», бросающегося «на плечи» поэту:

Знал и сказал, что будет знак
и век падет ему на плечи.
Что может он? Он ниц и наг
пред чудом им свершенной речи.

[Ахмадулина 2011, с. 233]

Но Ахмадулина не хочет ограничиваться только лишь темой великого предназначения поэта, а снижает пафос вполне земными привычками Мандельштама:

Из мемуаров: «Мандельштам любил пирожные». Я рада узнать об этом. Но дышать – не хочется, да и не надо.

[Ахмадулина 2011, с. 233]

Здесь, как ни странно, точка пересечения автора стихотворения и его героя – «любовь к пирожным» (о любви Ахмадулиной к пирожным известно из романа Е. Евтушенко «Не умирай прежде смерти»).

Ахмадулина не клянется в верности традициям мандельштамовской поэзии, не объявляет себя его творческой наследницей (ее стихотворение посвящено памяти О. Мандельштама), а на воображаемой встрече с ним – в месте, которое она именуется одновременно «кошмаром» и «раем», она не беседует с ним «как поэт с поэтом», а просто кормит его «сладостью» и оплакивает его судьбу, и здесь человеческое побеждает поэтическое:

В моем кошмаре, в том раю,
где жив он, где его я прячу,
он сыт! А я его кормлю
огромной сладостью. И плачу.

[Ахмадулина 2011, с. 234].

Однако Ахмадулина, так почтительно склоняясь перед фигурами Мандельштама, Цветаевой, Ахматовой и Пастернака, тем не менее решается вписать и свое имя в этот поэтический ряд. В стихотворении (1967) «Описание обеда» («Как долго я не высыпалась...») она повествует о том, как ей довелось побывать на званом обеде у «соседа-литературоведа», который завел речь о Мандельштаме и Цветаевой:

Литературой мы дышали,
пока хозяин вел нас в зал
и говорил о Мандельштаме,
Цветаеву он также знал.

Он оценил их одаренность,
и, некрасива, но умна,
познаний тяжкую огромность
делила с ним его жена.

[Ахмадулина 2011, с. 222–223]

Здесь Ахмадулиной кажется оскорбительно-неуместным разговор о поэтах с трагической судьбой во время сытного обеда, ей неловко за отсутствие душевного слуха у хозяев дома.

Скажи им, что пора обедать,
вели им хоть на час забыть
том, чем им так сладко ведать,
о том, чем мне так страшно быть.

[Ахмадулина 2011, с. 223]

Заранее предвидя упреки в несопоставимости своей относительно благополучной судьбы с судьбами упомянутых поэтов, Ахмадулина все же берет на себя смелость заявить о своем месте рядом с ними:

Придвинув спину к их камину,
пока не пробил час поэм,
за Мандельштама и Марину
я отогреюсь и поем.

И, озирая мир кромешный,
используй, боже, власть твою,
чтоб нас простил их прах безгрешный
за то, что нам не быть в раю¹.

Эта попытка «вписать» собственную, еще преждевременную биографию в трагический литературный контекст сталинской эпохи рядом с именами Мандельштама и Цветаевой вызвала отторжение у некоторых литературоведов.

Так, Омри Ронен, вероятно, намекая о безусловной для него неравноценности фигур Ахмадулиной, с одной стороны, и Мандельштама с Цветаевой – с другой, писал: «...современная поэтесса написала: “За Мандельштама и Марину, / Я отогреюсь и поем”... Есть временно исполняющие обязанности «Мандельштама и Марины» и получающие то, чего не додали настоящим, но у жертвенности нет заместителей, а могут быть только последователи» [Ронен 2006, с. 258].

Впрочем, Ахмадулина и сама впоследствии посчитала эти строки чрезмерными, удалив их из стихотворения в более поздних

¹ Ахмадулина Б. Как долго я не высыпалась... // World Art. Литература. URL: <http://www.world-art.ru/lyric/lyric.php?id=3858> (дата обращения 19 мая 2019).

изданиях, что совершенно, разумеется, не означало пересмотра ее отношения к этим литературным именам.

В отличие от Б. Ахмадулиной, Е. Евтушенко в своем стихотворении о Мандельштаме «Брезгливость гения» (2011) для конструирования образа поэта берет исключительно трагические страницы его биографии. Сперва – его недолгая жизнь в лагере, затем, вопреки временной последовательности, – жизнь в сталинском СССР в 30-е гг.:

Кто в 20-м столетье
 Всех поэтов поэте?
 Кто глодал ртом беззубым
 Жмых, подаренный лагерным лесорубом,
 Как парижский каштан?
 И влетал то Петрарку, то Лорку
 В уголовную скороговорку?
 Доходяга смешной, Мандельштам
 Речи о мировой справедливости
 На трибунах не произносил,
 Просто корчился от брезгливости,
 Ибо вынести не было сил².

Здесь Евтушенко для придания остроты впечатления соединяет высокое и низкое – жмых и парижский каштан, Петрарку и Лорку, но делает это гораздо более прямолинейно и публицистично, чем Ахмадулина в своих текстах.

Следующая идея, которую развивает Евтушенко, – это опасность исторического и культурного забвения, и поэзия Мандельштама, как он полагает, может этому успешно противостоять:

Слишком шумно махали флагами,
 Чтобы стоны из мерзлоты,
 Не тревожили мыслью о лагере
 Лжеспасительной глухоты.
 В нас, как будто под кожу зашитое,
 Завещанье, рожденное там.
 Стали ваши стихи нам защитой,
 Беззащитнейший Мандельштам.

² *Евтушенко Е.* Кто в 20-м столетье... // stihioslovesnocti.blogspot.com. URL: http://stihioslovesnocti.blogspot.com/2016/11/blog-post_905.html (дата обращения 19 мая 2019).

Чтоб мы стали не тупо счастливее.
А немножечко побрезгливее³.

Завершающая стихотворный цикл тема – диалог с великими предшественниками, осознание своего подлинного места рядом с ними и соотношение собственной удачливой поэтической судьбы с трагической судьбой погибшего гения:

Меня, конечно, радостью покачивало,
Когда в какой-то, очень давний год
Я получил в Тоскане премию «Бокаччио»,
Но ощутил, вина меня гнетет.
Не проступили на руках ожоги,
Но понимал я, что беру чужое.
Я сбился вдруг, меня все подождали,
И я заговорил о Манделъштаме⁴.

Евтушенко великодушно обозначает себя и свое литературное поколение как «агнцев», которых таскал на условных плечах Манделъштам:

Ведь нечто видел он поверх голов,
Нас, еще агнцев, на плечах таская,
От молодых воронежских холмов
К всечеловеческим, яснеющим в Тоскане.
И на такой ли все мы высоте,
Проигрывая с бескультурьем войны,
И получаем премии все те,
Которых только классики достойны⁵.

Согласно Евтушенко, главное значение Манделъштама не только и не столько в создании лучших образцов поэтического мастерства, которые невозможно превзойти, но которые должны быть мерилем литературного вкуса, а в том, что Манделъштаму удалось сделать свое поэтическое слово органичной частью всемирной литературы, вписав свою поэтику в контекст мировой культуры.

³ *Евтушенко Е.* Кто в 20-м столетье... // stihioslovesnocti.blogspot.com. URL: http://stihioslovesnocti.blogspot.com/2016/11/blog-post_905.html (дата обращения 19 мая 2019).

⁴ *Евтушенко Е.* Меня, конечно, радостью покачивало... // stihioslovesnocti.blogspot.com. URL: http://stihioslovesnocti.blogspot.com/2016/11/blog-post_905.html (дата обращения 19 мая 2019).

⁵ Там же.

Мы видим на примере Б. Ахмадулиной и Евг. Евтушенко, что отношение поэтов-шестидесятников к классику, пришедшему в XX век из века Серебряного, складывалось в интервале между, с одной стороны, соперечиванием, личным сочувствием к чуду музыки и речи, возникшему в нечеловеческих условиях жизни, и с другой – преклонением перед творцом, который, несмотря на весь невообразимый ужас обстоятельств, в которых он жил, преодолел границы времени и пространства и стал в один ряд с величайшими поэтами мира.

А. Вознесенский вспоминает о Мандельштаме гораздо реже, чем о Б. Пастернаке, М. Цветаевой, В. Маяковском и даже С. Есенине. Мандельштам для Вознесенского – эксклюзив. Так, например, он, со слов Пастернака, пересказывает его легендарный разговор со Сталиным о Мандельштаме, привнося в очередную версию легенды свою, особую, щемящую ноту.

«Про Сталина он как-то сказал: “Я не раз обращался к нему, и он всегда выполнял мои просьбы”. Вероятно, речь шла о репрессированных. Однажды за столом он пересказал телефонный разговор о Мандельштаме, про который злорадно судило околотелитературное болото. Сталин позвонил ему поздно ночью. Разговаривать пришлось из коммунального коридора. Трубка спросила: “Как вы расцениваете Мандельштама как поэта?” Пастернак был искренен, он ответил положительно, хоть и не восторженно. Трубка сказала: “Если бы моего товарища арестовали, я стал бы его защищать”. “Но его же арестовали не за качество стихов, – начал поэт, – а вообще арестовывать – это...” В Кремле повесили трубку. Пастернак пытался соединиться – тщетно. Наутро он бросился к Бухарину, который был тогда редактором “Известий”, хлопотать за Мандельштама. Сталина он называл “гигантом дохристианской эры”» [Вознесенский 1987, с. 416].

Бросается в глаза неожиданный акцент в интерпретации разговора. Не испытывая особого восторга от поэзии Мандельштама, Пастернак в разговоре с вождем подтвердил, что Мандельштам, хотя и лично ему не близок, – настоящий, большой поэт, которому можно простить всё. Нельзя арестовывать за «качество поэзии», каким бы оно ни было. И только во вторую очередь – толстовское: и «вообще арестовывать» (поэта, творца, человека). Кажется, судя по двойному пересказу, что Сталин не понимает оттенков: «расценивать как поэта» или «защищать товарища» – это значит безоговорочно принимать его. Для поэта же важна его творческая индивидуальность, его стиль, его поэтика. И дело здесь даже не в «качестве стихов», а в творческом самовыражении, поэтике.

Поэты не могут ощущать себя «одной командой», «одной партией»: они мыслят, видят мир и пишут по-разному. Они могут быть

солидарны как люди, но не должны быть общностью как поэты. От чего должен поэт защищать поэта? От его осуждения за «качество стихов»? Но кто может быть судьей в таком тонком деле? Даже поэт не может в этом плане судить другого поэта, тем более, если и тот и другой – действительно Поэты. Другое дело – арест как форма насилия человека над человеком. Здесь уже действуют нравственные максимы толстовского «непротивления злу», столь близкие Пастернаку с юных лет.

Однако Сталину ни того, ни другого не понять. Ведь он «гигант дохристианской эры», – как Нерон или Калигула, как Август или Цезарь, как, наконец, легендарные древневосточные деспоты – Хаммурапи, Навуходоносор, Валтасар... Ему, несмотря на его семинарское образование, непонятно христианское всепрощение, непонятна человеческая свобода, разрывающая узы рабства, всё то, что так внятно было и Пастернаку, и Мандельштаму.

В другом месте Вознесенский цитирует мандельштамовский «Разговор о Данте», где находит подтверждение своему кредо: «Суть творчества метафорична». Цитата из Мандельштама: «Объяснить метафору можно только метафорически. “Я сравниваю, значит я живу”, – мог бы сказать Дант. Он был Декартом метафоры, ибо для нашего сознания (а где взять другое?) только через метафору раскрывается материя, ибо нет бытия вне сравнения, ибо само бытие есть сравнение» [4, с. 608].

Упоминая влияние классиков на современную поэзию, Вознесенский то замечает, как «в горестно-торжественную строфу попала капля меда из арсенала Мандельштама» [Вознесенский 1987, с. 614], то вспоминает, как недалекие современники поэта «обвиняли... Мандельштама – в холодной придуманности (его дразнили – “мраморная муха”）」 [Вознесенский 1987, с. 618].

А вот и стихотворный отклик Вознесенского на музу Мандельштама:

Радиоактивный слепец,
что ты внес Одиссею в программу?
Опускались столетья с небес
на библейскую плешь Мандельштама,
раздирая на просеки лес
Мангышлака или Магадана

[Вознесенский 1987, с. 698].

Афористически-метафорический образ поэта, вписанный в культуру и в природу. Современник и ровесник Гомера и Библии, осененный небесным покровительством и шлейфом столетий ми-

ровой культуры, Мандельштам созвучен (даже чисто фонетически) с Мангышлаком и Магаданом – местами, не только неблагоприятными для творчества, но и для человеческой жизни, более того, прямо сопричастными ГУЛАГу, Большому Террору, бесчеловечью сталинской эпохи, погубившей собеседника богов, заложника вечности. Во всех этих местах присутствие Мандельштама – просеки в дремучих зарослях.

Но кто это – «радиоактивный слепец», пытающийся «программировать» Одиссею? Губитель всего живого, обрекший на гибель библейского пророка? Сославший поэта в дальневосточную мерзлоту? Пренебрегший благой вестью небес и столетий? Это он – Отец народов, «Гигант дохристианской эры», вооруженный атомной бомбой?

Мандельштам у Вознесенского становится символом творческого бессмертия, укорененного в вечности культуры, гибнущего в атмосфере «радиоактивной слепоты», свойственной всей сталинской эпохе. Жертва времени, пережившая это время и победившая его. А «столетья», вдохновляющие поэта, взялись из его предсмертных «Стихов о неизвестном солдате»: «И столетья / Окружают меня огнем».

Еще один поэт периода оттепели, «шестидесятник», редко ассоциирующийся с этим литературным поколением русской литературы XX века, – Иосиф Бродский, был среди тех, кто неотступно думал о Мандельштаме и сопоставлял свое творчество с его наследием. Первое поэтическое и вообще литературное имя, упоминаемое Бродским в его Нобелевской лекции (1987), – это Осип Мандельштам. И только потом называются Марина Цветаева, Роберт Фрост, Анна Ахматова, Уистен Оден как поэты, говорящие «за самих себя» [Бродский 2010, с. 5]. Говоря в этой речи о «заслуге моего поколения», Бродский заявил, что его Нобелевская премия «есть признание заслуг этого поколения перед культурой; вспоминая Мандельштама, я бы добавил – перед мировой культурой» [Бродский 2010, с. 17].

Косвенная цитата из Мандельштама получила дальнейшее развитие в речи Бродского. «Оглядываясь назад, я могу сказать, что мы начинали на пустом – точнее, на пугающем своей опустошенностью – месте и что скорей интуитивно, чем сознательно мы стремились именно к воссозданию эффекта непрерывности культуры, к восстановлению ее форм и тропов, к наполнению ее немногих уцелевших и часто совершенно скомпрометированных форм нашим собственным, новым или казавшимся нам таковым, современным содержанием» [Бродский 2010, с. 17]. То есть, несмотря на гибель Мандельштама (как прежде Маяковского и Есенина, а после – Цветаевой и запрещения Ахматовой), свидетельствующей именно о прерывности культуры, поколение поэтов оттепели восстановило непрерывность культурного процесса, вопреки кре-

маториям Аушвица и сталинскому архипелагу, стоявших наперекор развитию поэзии и культуры.

В некрологе Надежде Мандельштам (1981) Бродский называет ее мужа «величайшим русским поэтом нашего времени» [Бродский 2010, с. 43], тем самым не то себя ставя в контекст времени Мандельштама, не то Мандельштама рассматривая в контексте своего времени. Впрочем, Бродский всегда относился к историческому контексту скептически. В том же некрологе он пишет: «Осип Мандельштам был великим поэтом уже до революции. Так же, как Анна Ахматова, так же, как Марина Цветаева. Они бы стали тем, чем они стали, даже если бы Россия не пережила известных исторических событий текущего столетия: ибо они были *одарены*. Талант, в принципе, в истории не нуждается» [Бродский 2010, с. 51–52].

Эту тему Бродский продолжил в своем докладе к 100-летию О. Мандельштама «С миром державным я был лишь ребячески связан...» (1991).

Объяснять произведение искусства историческим контекстом, стихотворение тем более, вообще говоря, бессмысленно. Бытие определяет сознание любого человека, поэта в том числе, только до того момента, когда сознание формируется. Впоследствии именно сформировавшееся сознание начинает определять бытие, поэта – в особенности» [Бродский 2010, с. 56].

Трактуя избранное стихотворение Мандельштама как «возглас сознания, не определяемого бытием, и ...никогда им не определявшего» [Бродский 2010, с. 59], Бродский утверждает, что «самый “державный мир”» оказывается «категорией детства, наивной формой самосознания» [Бродский 2010, с. 58]. Ведущей в мироощущении поэта «является интонация отрицания (эхо, если угодно, детского, внешне капризного, но по своей интенсивности превосходящего любое выражение притяния – “не хочу!”)», «антитеза». «Именно она, чистота и подлинность отрицания, в итоге переворачивает стихотворение, вернее – его первоначальную задачу, вверх дном». «Интонация отрицания как бы перевыполняет норму (требуемую) и перехлестывает параметры информации, приближаясь к исповеди» [Бродский 2010, с. 59, 61].

Отрицание «мира державного» – не только дореволюционного, но и (тем более) советского, самого духа «державности», «государственности», доказательство свободы поэта от политики и всех требований социума – черта, сближающая Бродского с Мандельштамом и определяющая собой подлинность великой поэзии, – залог бессмертия поэта.

Поэзия оттепели, порожденная отрицанием Сталинской эпохи, с ее диктатом, насилием, террором – не только по отношению к человеческой личности, но и к искусству слова, стремилась различными способами дистанцироваться от «мира державного» – по-своему – у Евтушенко и Вознесенского; по-иному – у Ахмадулиной и Бродского. И пример О. Мандельштама – как личности, как поэта, как жертвы эпохи и ее нравственно-поэтической антитезы – был здесь особенно необходим. Поэтому Осип Мандельштам и стал невольной «*поэтом Оттепели*» – в творчестве поэтов периода оттепели, хотя ни в 1920-е гг., ни в конце 1930-х не мог предвидеть или предчувствовать наступления подобного времени, ознаменованного поэтическим «бумом» и отрицанием «мира державного».

Литература

- Ахмадулина 2011 – *Ахмадулина Б.* Друзей моих прекрасные черты М.: Астрель: Олимп, 2011. 507 с.
- Бродский 2010 – *Бродский И.* Власть стихий: Эссе. СПб.: Азбука-классика, 2010. 224 с.
- Вознесенский 1987 – *Вознесенский А.* Ров: Стихи, проза. М.: Советский писатель, 1987. 736 с.
- Ронен 2006 – *Ронен О.* Слава // Звезда. 2006. № 7. С. 242–259.

References

- Ahmadulina, B. (2011), *Druzey moih prekrasnye cherty* [The friends of mine excellent traits], Astrel Olimp, Moscow, Russia.
- Brodsky, I. (2010), *Vlast' stihiy: essay* [The power of the elements: essay], Azbuka-klassika, Saint-Petersburg, Russia.
- Voznesensky, A. (1987), *Rov: Stihi, proza* [The ditch. Poems, prose], Sovetskii pisatel, Moscow Russia.
- Ronen, O. (2006), "Glory", *Zvezda*, vol. 7, pp. 242-259.

Информация об авторе

Лилия Б. Брусиловская, кандидат культурологии, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, ГСП-3, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; ikond@mail.ru

Information about the author

Liliya B. Brusilovskaya, Cand. of Ski. (Cultural studies), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993, GSP-3; ikond@mail.ru